Матвей
ХОТИНСКИЙ

Рассказы О ТЕМНЫХ ПРЕДМЕТАХ

Колдунах, ведьмах, обманах чувств, суевериях

Магия и Жизнь

Магия и жизнь

Матвей Хотинский

Рассказы о темных предметах, колдунах, ведьмах, обманах чувств, суевериях

«РИПОЛ Классик»
1861

УДК 398
ББК 86.41

Хотинский М. С.

Рассказы о темных предметах, колдунах, ведьмах, обманах чувств, суевериях / М. С. Хотинский — «РИПОЛ Классик», 1861 — (Магия и жизнь)

ISBN 978-5-386-10376-7

«Рассказы о темных предметах» – это сборник интереснейших материалов по истории магии и чародейства. Его автор, Матвей Хотинский, писатель и известный популяризатор естественных наук. В конце девятнадцатого века его книги были очень популярны, издавались огромными тиражами. К волшебству Хотинский подходит с точки зрения здравомыслящего человека, который пытается понять природу чуда. Суеверия, обманы зрения и слуха, фокусы механики и физики, истории колдунов и ведьм старой России – обо всем этом вы прочтете в его книге. «Рассказы о темных предметах» впервые издаются на современном русском языке.

УДК 398
ББК 86.41

ISBN 978-5-386-10376-7

© Хотинский М. С., 1861
© РИПОЛ Классик, 1861

Содержание

I 5
II 30
Конец ознакомительного фрагмента. 35

М. С. Хотинский
Рассказы о темных предметах, колдунах, ведьмах, обманах чувств, суевериях

I
О суевериях

Внутреннее влечение человека к таинственному и чудесному породило магию и другие тайные науки.
Бэкон

Дурно понятые явления природы были источником бесчисленных суеверий и предрассудков.
Кант

История заблуждений человеческого ума и чувств любопытна в контексте истории развития и цивилизации вообще. Всегда и везде, вследствие шаткости ума и несовершенства чувств, чистые идеи, ясные понятия подменялись заблуждениями и предрассудками. Неизвестные прежде болезни, необыкновенные происшествия, явления природы, выходящие из обычного порядка вещей, поражали воображение и, при малоразвитости ума и знаний, нередко давали повод к сверхъестественным объяснениям. Отсюда берет начало химерическое владычество духов и волшебников, представившее немало поэтического, но еще более грустного в истории человечества.

Страсти, преимущественно властолюбие и любостяжание, породили волшебников, астрологов, алхимиков, знахарей, колдунов и ведьм. Одни уверяли, что умеют читать судьбу человека в сочетаниях светил небесных, другие ухищрялись прозревать будущее в толкованиях сонных грез, полета птиц. Медея, заклинавшая ветры, Цирцея, превратившая Улиссовых спутников в поросят, Орфей, заставлявший плясать камни, волшебник Тирезий в своем гроте, – все очень похожи на волшебников и ведьм, которых жгли на кострах, по приговорам средневековых судилищ.

Остатки языческих убеждений, с которыми так нелегко расставались народы, принимавшие христианское учение, и дурно наблюдаемые и еще хуже объясненные явления природы породили бездну суеверий и предрассудков. Наг, беден, слаб, глуп и легковерен родился человек; наги, бедны, слабы, глупы и легковерны первобытные неразвитые семьи и общества людей. По мере развития ума и расширения понятий человек наблюдал окружающую его природу, узнавал свойства и причины вещей и явлений и научался покорять себе природу, заставляя ее служить в его пользу. Мало-помалу он сделался богат, могуч, умен – сделался царем земли. Крепче всех прочих недостатков прилепилось к нему легковерие, еще очень заметное в большей части людей, даже сильно развитых, богатых материально и умственно. Правду говорит Сальверт в своем сочинении «О тайных науках», что человек родится и умирает легковерным,

но это легковерие происходит из светлого источника, из прирожденного человеку стремления к правде. Величайший обманщик чаще готов верить чужим словам, чем подозревать в них ложь. Чувство правды так присущно человеку, что в самих даже уклонениях от него беспрерывно проявляется невольное к нему уважение. Но легковерие, при содействии страстей, особенно страха и надежды, было постоянно одною из главных причин распространения суеверий и предрассудков.

Верования греков и римлян, отличавшихся, впрочем, значительною степенью своеобразного просвещения, были сплетением бесчисленного множества заблуждений, иногда поэтических, но часто странных до нелепости, безобразных до чудовищности. Язычник вместе с молоком матери всасывал в себя зародыши предрассудков и суеверий, сопровождавших его на пути целой жизни и не покидавших даже на смертном одре. Знаменитейшие мужи древности: герои, философы, поэты, законодатели, художники, несмотря на то, что в них нередко горел огонь гениальных вдохновений, находились постоянно под влиянием странных предубеждений, под гнетом мнимых таинственных деятелей. Самые выспренные порывы их ума, самый широкий размах крыльев их гения ощущали противодействие железной сети закоренелых умственных заблуждений, неразрывно скованных с их языческою религией, образом жизни, нравами и обычаями.

Представим примеры странных рассказов, встречаемых у древних классиков. Мы при этом выберем преимущественно относящиеся к естественной истории.

Плиний, в своей истории рыб, рассказывает, что в Средиземном море живет род миноги, называемой *ремора* (remora), которая обладает такою страшною силою, что если зубами ухватится за корабль, то может остановить его на всем ходу. Корабль, на котором Антоний плыл в Акциуму *решить судьбу вселенной,* был остановлен одною из таких миног. Впрочем, это не единственный случай такого рода: точно такие же происшествия случились с Периандром, Калигулою и другими менее замечательными лицами.

Читайте Геродота, Аристотеля, Ксенофонта, Плутарха, Тита Ливия, Элиана, Светония, Помпония Мелу и многих других, и вы найдете в этих авторах кучу рассказов о далеких странах, где живут люди с собачьими и оленьими головами, без глаз и с одною ногою, на которой скачут, а когда захотят бежать, то становятся по двое вместе и, охватившись руками, бегут, передвигая общую пару ног. Впрочем, по мнению тех же авторов, есть страны, где живут люди совершенно безголовые. У них же вы прочтете, что лев боится пения петуха, что рысь может видеть сквозь стену и другие непрозрачные тела, что крот совершенно слеп, что вороны, олени, карпы и попугаи живут по несколько сот и даже тысяч лет, что крокодил, для приманки добычи, подражает детскому крику, что пеликан раздирает себе грудь и кормит своих птенцов собственною кровью, что страус, преследуемый неприятелем, прячет голову в песок и полагает, что скрылся из виду неприятеля, потому что сам его не видит. От листочка петрушки лопается стекло; Аннибал пролагает себе путь сквозь Альпы, растворяя горы уксусом; диодоровы *гилофаги,* питаясь исключительно древесными листьями, прыгают по деревьям как белки, и самые тонкие ветви не гнутся под их тяжестью, хотя эти люди были ростом ничуть не меньше греков. С древнейших времен существовало у пастухов поверье, что овца никогда не подойдет близко к тому месту, где лежит какая-либо частица волчьего трупа, и что, заиграв на скрипке, струны которой сделаны из волчьих внутренностей, можно разогнать какое угодно стадо. Иезуит Кирхер, который писал обо всем (даже об астрономии), решился проверить это сказание и повесил на шею овце высушенное волчье сердце: разумеется, что овца паслась с этим талисманом так же спокойно, как и без него.

Начитавшись древних классиков, почти в наше время, Риттер в Германии и Тувенель во Франции, люди не только образованные, но и весьма ученые, пытались возобновить веру в диковинки фокусников, отыскивающих подземные ключи с помощью волшебного прута.

Заблуждения свойственны всем векам, сословиям и возрастам; только они видоизменяются согласно окружающим их посторонним влияниям. В человеке малообразованном они развиваются вследствие слишком тесного круга, открытого для действия мышления, и суть следствия невежества; у людей образованных они проистекают от перехода воображения за назначенный ему разумом предел. Как скоро ум выйдет из определенных ему самою организацией человека границ, он немедленно начинает действовать ненормально. Действие при этом будет постоянно неправильное, хотя и разновидное, смотря потому, за какие границы переступил ум – за внешние или внутренние. В первом случае слишком обширное поле действия ослабляет деятеля; во втором – он, по слишком ограниченному пространству, не может выполнять назначенных для него природою нормальных отправлений.

Не только в древности, но и в новейшие времена, до последних микроскопических исследований берлинского микрографа Эренберга, господствовало между многочисленными учеными мнение, будто бы органические вещества, подвергшиеся гниению, могут воспроизводить новые, живые организмы. Чего не набредили по этому поводу древние материалисты! Нам, конечно, смешно читать теперь мнение Демокрита, полагавшего, что люди были первоначально под формою червей, и увеличиваясь мало-помалу, совершенствовались и приняли настоящую форму. Анаксимандр производил нас из скорлупы, похожей на скорлупку каштана, которая, раскрывшись от действия теплоты, произвела на свет мужчину и женщину, распространивших род человеческий. Это напоминает яйца Леды. Другие превращали рыб в людей, как головастик превращается в лягушку, и эта последняя нелепость так понравилась Малье, что он начал утверждать, будто бы существуют действительно морские люди, тритоны и сирены (о которых, впрочем, было писано довольно много), и что эти морские дива – мужчины и женщины, не успевшие еще сбросить рыбьих хвостов. Наконец, почти в наше время уважаемый французский натуралист Ламарк выкинул дикую мысль, будто бы человек находился первоначально в звероподобном образе. Так заблуждаются во все века даже светлые умы, слишком преданные односторонним соображениям.

Эпикур утверждал, что земля в самом начале заключала в себе зародыши всех индивидуумов органической жизни, на ней ныне существующей. Эти зародыши, находясь под первоначальной оболочкой, ожидали только благоприятного случая для своего развития. Пошел дождь, пригрело солнце – и органическая жизнь развилась на планете.

«Жалкие и тщетные попытки объяснить грубым материализмом то, что не подвержено ни исследованиям наблюдения, ни исследованиям опыта!» – как говорит Вильгельм фон Гумбольдт.

Не только у Аристотеля и у перипатетиков, но и у большей части греческих и римских философов существовало положительное мнение, что при гниении органических тел зарождаются насекомые и другие животные низших классов. Но не будем тревожить кости статрита[1], а посмотрим, что говорит об этом Кирхер, один из представителей средневековой мудрости.

Возьмите, – говорит он в своем *«Mundus subterraneus»*, – мертвых мух, помочите их в медовой воде и, разложив на металлической доске, нагревайте горячим песком: вы увидите, что будут образовываться маленькие червячки, которые, выросши, превратятся в мух.

Подобным же образом можно производить и змей. Изрубите весною несколько змей, изжарьте и, зарыв в жирную землю, поливайте дождевою водою. Если эта земля будет освещаема солнцем, то через неделю в ней появятся черви. Поливайте их теплым молоком с водою, и через несколько времени черви переродятся в змей, которые будут плодиться.

Почти таким же образом можно, по словам Кирхера, разводить и лягушек.

Каковы превратные понятия о физиологическом процессе! А при этом должно упомянуть, что Кирхер был одним из замечательнейших ученых своего века и сделал множество

[1] Аристотеля.

открытий, особенно в физике! Посмотрим, что-то скажут через сотню лет о тех из наших ученых, которые видят в физиологических процессах одни только процессы химические. Чему дивиться, если Кирхер утверждает, что внутри земного шара живут слепые зеленые люди, когда в нынешнем столетии один известный моряк публично вызывал Александра Гумбольдта и сэра Гумфри Деви пуститься с ним в северное полярное море, где неподалеку от полюса есть будто бы отверстие, по которому можно спуститься внутрь земного шара. Этот ученый сумасброд описывал даже все подробности пустоты, существующей около центра нашей планеты. Мы берем это известие не из какого-либо подозрительного или темного источника: оно напечатано самим Гумбольдтом в первой части его «Космоса».

Не будем однако ж винить древних безусловно: и между ними были светлые умы, которые знали и чувствовали, что материализм – плохое орудие для познания тайн природы. Гомер за три тысячи лет и гораздо раньше, чем стагирский философ, объяснил зарождение червячков из гниющего тела, зная, что черви зарождаются на мертвых трупах от мух. Развернем «Иллиаду».

Ахиллес, выходя из шатра на бой с Гектором, опасается, чтобы в его отсутствие черви не повредили Патроклова тела, которому он не отдал еще последнего долга. Ахилл говорит матери своей, богине Фетиде:

Об одном беспокойно
Сердце мое, чтобы тою порою на Патрокловом теле
Мухи, проникши в глубокие, медью пробитые раны,
Алчных червей не родили; они исказят его образ.

(Перев. Гнедича, песнь XIX, ч. II, стр. 202)

Перейдем к другому поверью, будто бы воображение женщин имеет влияние на красоту или безобразие детей. И тут найдутся грустные свидетельства бренности и ненадежности выводов человеческого ума.

Отец медицины – Гиппократ, говорит, что если беременной женщине захочется козлятины или телятины, то необходимо тотчас же удовлетворить ее желание, иначе она родит дитя, похожее на Юпитера Аммона.

По словам Плиния, одна знакомая ему римская дама родила слона, потому что во время беременности часто со вниманием смотрела на этих колоссальных животных. Другая римлянка, любившая глядеть на львов, родила львенка.

В гельветической хронике Семпта находим известие, что жена одного большого любителя картин, изображающих зверей, родила сына, мохнатого, как волчонок или медвежонок. Мало ли можно подобрать подобных мнимо действительных фактов, но выводить из них серьезное заключение, значит строить громадное здание на сыпучем песке.

Сила воображения у Малебраниа решительно брала верх над рассудком. Он так был убежден в началах своей метафизики, что для него самые странные и невероятные явления казались чрезвычайно простыми. Увлекаясь разгулом горячей фантазии, он часто попадал на ложный путь и толковал факты совершенно произвольно. Прочитайте его «Recherches de la vérité», и вы согласитесь с моим мнением.

Каких диковинок не найдешь, если только захочешь порыться в пыли библиотек! Не говоря уже о минотавре, получеловеке и полубыке, о царице с гусиными лапами и о матери франкского короля Меровея, у которой был будто бы рыбий хвост, мы найдем, что в 1681 году в Авиньоне было разбито яйцо, в котором находилось маленькое человеческое лицо с носом, впадинами для глаз, губами, широким ртом и подбородком. Эту головку подвергали даже анатомическому рассечению, и изображение ее приложено было к одному из номеров «Journal des Savants». Всего любопытнее, что издатели ученого журнала присовокупили, будто бы такая

чудовищность произошла вследствии того, чту курица беспрестанно бегала за хозяином птичьего двора и очень любила глядеть ему прямо в лицо.

Попробуй-ка рассказать эту историю Иван Иванович Ивану Никифоровичу, так и тот бы отвечал с негодованием: «Бог с вами, Иван Иванович! Где вы это такой дичи набрались? Ну, где же слыхано, чтобы курица влюбилась в человека? Ведь человек, какой он там ни будь, хоть самая дрянь, все-таки человек; а курица – тварь бессловесная. Вот уж и такой диковинке не поверю. Да и что же это за известие? Просто гиль, галиматья, сапоги всмятку!!!»

А ученые, записные ученые, верили иногда таким диковинкам. «Верденский журнал» за июль 1755 г. рассказывает о дитяти, родившемся с циферблатом на глазах, вследствие сильного желания его матери иметь часы. Удивительную память кардинала Перрона приписывали желанию его беременной матери иметь в своем распоряжении библиотеку. У многих еще в свежей памяти сто раз напечатанные и подтвержденные сотнями авторитетов рассказы о младенце, у которого в зрачке был портрет Наполеона. И мало ли еще что такое.

Как бы ни были разнообразны уродливости людей и животных, все они подчинены известным постоянным законам природы. В этих уклонениях от обыкновенного порядка, в этих, так называемых случайностях нет ничего случайного или выходящего из законного порядка вещей, а все совершается на основании дознанных новейшей наукой правил. Это доказал Жоффруа Сент-Илер в своей «Histoire des Anomalies de l'organisation».

Сколько говорено и писано о толковании снов и о способах угадывать по ним будущее, начиная от Гомера, свидетельствующего, что Юпитер насылает сны смертным, до последнего сонника, изданного спекулятором-книгопродавцом. Эней, желая покинуть прелестную Дидону, говорит ей о тени Анхиза, являвшейся ему во сне; Афалия умерщвляет внука, повинуясь влиянию сонных грез; при восточных дворах держали особых снотолкователей; все древние герои и полубоги видят вещие сны; философы Аристотель и Платон верят снам. Сам отец медицины сообразуется с сновидениями при лечении болезней. Например, если кто-нибудь видел во сне померкнувшие звезды, то немедленно предписывалось ему начать бегать кругообразно[2]. «Желательно бы знать, – говорит один писатель, – по какой линии бежал Гиппократов ум, когда он писал приведенные сейчас строки»?

Галиен признается, что он стал заниматься медициною вследствие сна, виденного его отцом, и что он однажды велел себе пустить кровь из указательного пальца для облегчения боли в боку, потому что видел во сне, будто бы такое кровопускание исцелит его. Храм Эскулапа наполнялся каждую ночь мечтателями и ипохондриками, которые приходили спать у жертвенников в надежде, что увидят во сне, какие лекарства могут исцелить их недуги. Граждане Спарты поочередно спали в храме Пазифаи, ожидая, что увидят во сне предсказания, полезные для их республики. Франклин, один из светлых умов прошлого века, никак не решался действовать противно указаниям, которые почерпал в толкованиях снов[3].

А сколько есть рассказов о сбывшихся снах! Кому не известен рассказ Цицерона о двух друзьях, приехавших в Мегару? Платон рассказывает о Сократе, что он, услышав во сне известный стих Гомера:

«Через три дня ты узришь плодоносные страны»,

был убежден, что умрет через три дня, что действительно и сбылось с ним. Силлу во сне призывала парка, и он, пробудившись, тотчас созвал друзей и составил духовное завещание; после того вскоре захворал горячкою и скончался, не дожив до вечера. Плиний Младший приводит собственное очевидное свидетельство, что во время сна одного из его рабов в запертой

[2] De insomnis, IV et V.

[3] Cabanis, Rapport du physique et du moral de l'homme, III, 449.

комнате явились какие-то два привидения в белых одеждах и обрили тому рабу волоса. Марк Аврелий соображался с сонными своими видениями при пользовании от головокружения и кровохаркания.

Еще в древности начали искать соотношений между сонными видениями и обстоятельствами действительной жизни. Из этих изысканий составились целые методы для истолкования снов и явились тысячи снотолкователей, разумеется, не даром, а за добрую плату трудившихся над таинственными выводами прорицаний судьбы в сенных грезах.

Многие из древних писателей собрали эти методы, но до нас дошли только записки Артемидора и Синеция. Особенно замечателен первый из них, живший в царствование Антонина Благочестивого. На основании этих древних авторитетов составлялись снотолкователи Средних веков, которых безобразные сказки видим в современных нам сонниках, весьма обильных во всех без исключения европейских литературах.

Один немецкий доктор, Адриан Ионге, сочинил латинскую поэму, в которой приводит все способы снотолкнований. По словам этого доктора, видеть во сне чистую воду означает спокойствие ума и сердца, разлив реки – скорое изгнание, сладкое кушанье и питье – горе и печали, а слезы и горькие яства – радость и благополучие. Кто увидит во сне салат-латук, тот бойся скорой и тяжелой болезни, а если кому приснятся золото и серебро, тот наверное скоро пойдет по миру с котомкою за плечами.

Цицерон весьма остроумно смеялся над снотолкователями и теми, которые им верили. Эпикурийцы, и в особенности Ксенофан, сравнивали состояние человека во время сонных грез с состоянием опьянелого или сумасшедшего. «Если бы олимпийские жители вмешивались во всякие сны, то верно бы в последних было побольше порядка и здравого смысла», – говорит Ксенофан. Следовательно, и в древности были люди, которые смеялись над суевериями снотолкователей, которые еще и в наше время встречает многих поклонников.

Снотолкование как остаток древнего идолопоклонства было осуждаемо правительствами многих европейских государств. Капитулярии французских королей присуждали толкователей снов к тяжким наказаниям за их бесстыдный обман. Екатерина II, в уставе благочиния, изданном в 1782 году, приказывала за толкование снов отсылать к суду.

Нам возразят, может быть, замечаниями, что иные сны действительно сбываются, и всякий может рассказать один или несколько примеров этого рода. Что же в этом мудреного? Легковерная женщина, у которой муж лежит в тяжкой болезни, видит во сне дым, мрак, кладбище, плачь и похоронную процессию. Она обращается к снотолкователям и для большей верности прибегает к таким, которые толкуют сны по разным методам. Один из них ответит, что больной непременно умрет, а другой уверяет, что он непременно выздоровеет: нет сомнения, что один из них скажет правду. А в тех случаях, когда не было двух разноречивых показаний, часто помогает случай, потому что в случае возможности двух ответов – *да* и *нет,* половина вероятностей на сторон каждого из них. А заметьте, что на один сбывшийся сон причтется множество не сбывшихся; помнят и считают первые, вовсе забывая о последних.

Если мы от снотолкований обратимся к астрологии, то нам представится необозримое море заблуждений и нелепостей, приведенных в систему. Самые произвольные и смешные толкования положений и движений небесных тел были обработаны ученым образом и составили особенную химерическую науку. И не должно думать, что она появилась только во мраке невежества Средних веков. Нет, она существовала у греков, у римлян, даже у египтян и у других древнейших народов. Манилий и Петроний передали нам толкования касательно влияния созвездий на судьбу новорожденных. За две и за три тысячи лет тому назад точно так же, как и еще в недавнее время в Брюсовом и других астрологических календарях, объяснялось, что родившийся под влиянием созвездия Овна будет богат стадами, а под влиянием Тельца будет иметь гневный и жестокий нрав. Лев располагает к гордости и обжорству, Дева – к щеголь-

ству, волокитству и трусости, а Козерог – к несчастным супружествам. Под созвездием Весов родятся купцы, Водолея – гидравлики, а Рыб – моряки и рыболовы.

Эти весьма древние идеи были еще более развиты арабами, которые каждому отдельному светилу назначали в заведывание особые части человеческого тела: Солнцу отданы были сердце, мозг и правый глаз; Меркурию – язык, руки, ноги и воображение(?); Сатурн заведовал печенью, селезенкою и правым ухом; Юпитер – легкими; Марс – кровью, носом и желудочным соком; Луна владела левым ухом и глазом; а Венера – частями тела, служившими для воспроизведения породы.

В герметической философии каждая планета, кроме упомянутых владений телесного состава, имела еще свои нравственные влияния. Таким образом, Солнце покровительствовало славе, Венера любви, Меркурий красноречию, Луна бережливости, а Сатурн заведовал печальными ощущениями духа. Каждое планетное светило имело сверх того свой привилегированный цвет: голубой принадлежал Юпитеру, желтый Солнцу, зеленый Венере, красный Марсу, белый Луне, черный Сатурну, а Меркурию посвящена была пестрота цветов.

Астрологи были в такой же моде при дворе Октавия Августа, как и при дворе Марии Медичи. Римские императоры ничего не предпринимали важного, не посоветовавшись со звездами, и выбивали медали с изображением созвездий, господствовавших на небе в минуту их рождения.

Начиная с Франциска I, каждый порядочный человек во Франции считал необходимостью иметь своего астролога, как теперь у всякого есть свой портной или прачка. У придворных дам Марии Медичи были свои гадатели, носившие название баронов, и с ними совещались во всех важных случаях. Папа Павел III наградил своего астролога епископством *Чивите-дукале.* Гаданиям и предсказаниям астрологов верили умнейше люди. Генрих IV и кардиналы Ришелье и Мазарини постоянно совещались с астрологами, и долгое время в царствование Людовика XIV Жан-Батист Морень получал пенсию (по 2000 фр. в год), назначенную ему Мазарини за гороскопы. Математик Кардан, предсказавший по сочетанию светил день своей смерти и, видя, что этот день проходит благополучно, сам лишил себя жизни ради непогрешимости астрологии.

А сколько можно отыскать рассказов о сбывшихся предсказаниях астрологов! Диодор Сицилийский повествует, что перед вступлением Александра Македонского в Вавилон астрологи предсказали ему смерть в стенах этого города, что и сбылось на самом деле. Светоний уверяет, что астролог Спуринна предрек Кесарю смерть в мартовские иды, и великий римлянин погиб в назначенную эпоху. Жребий Нерона и его матери был предсказан Агрипине. Астролог предвещал Генриху II, что он умрет от раны, нанесенной ему в глаз на турнире. Морень назначил вперед час смерти Густава Адольфа, Сен-Марса и кардинала Ришелье. Мы могли бы насчитать здесь сотни примеров этого рода, сбереженных летописцами.

Но всего лучше нравится нам ответ, данный Людовику XI его астрологом. Этот король передарил любимцу звезд большие суммы, но потом как-то усомнился в истине предсказаний, извлекаемых из сочетания небесных светил. Чтобы удостовериться в истине своих подозрений, он приказал двум воинам стать за дверью и по известному знаку войти к нему в кабинет и убить человека, который будет с ним тогда разговаривать.

Отдав такое приказание, король послал за своим астрологом. Тот немедленно явился.

– Ты, который читаешь мою судьбу в звездах, – сказал король вошедшему адепту, – можешь ли прочесть в них свою собственную.

– Могу, – отвечал астролог, не запинаясь и боясь потерять свой вес во мнении короля отрицательным ответом.

– Так скажи же мне, когда ты умрешь? – спросил его Людовик с самою невинною миною.

Вопрос этот озадачил астролога, который, зная характер властителя Франции, опасался западни. Однако ж мудрец не смутился и только попросил у короля позволения посоветоваться со звездами.

Король повел его к окну, отворил его и, указывая на усеянное звездами небо, промолвил.

– Посоветуйся хорошенько со своими друзьями и попроси их, чтобы они не обманули тебя на этот раз.

Тут магик догадался, что дело плохо. Впрочем, делать было нечего, и он придумывал средство вывернуться из беды.

Постояв с четверть часа, как бы в созерцании ночных светил, астролог затворил окно, обратился к королю и сделал ему низкий поклон.

Король заметил его смущение и спросил о причине, ободряя его ласковым голосом.

– Государь, – отвечал звездочет, – я прочел на небе, что мне в эту минуту угрожает смертельная опасность.

Такой ответ озадачил короля. Людовик XI подумал с минуту и спросил:

– А прочел ли ты в звездах час твоей смерти?

– Что до этого касается, – возразил астролог, преклоняясь перед королем, – то судьба отличила меня перед миллионами смертных, связав час моей смерти с часом смерти первой особы во Франции.

– Что это значить? – спросил удивленный король, уже готовившийся подать знак палачам, стоявшим за дверями.

– Я умру ровно тремя днями ранее вашего величества.

Этот ответ так озадачил суеверного Людовика, что он немедленно отпустил астролога, подарив ему кошелек с деньгами.

После этого анекдота, за достоверность которого не ручаемся, хотя он рассказан был многими романистами за истину, приведем другой пример астрологических бредней, почерпнутый из летописей астрономии.

Немецкий математик Штоффлер в начале XVI века взволновал умы всей Западной Европы. Он распространил известие, что в феврале 1524 года должно случиться соединение планет Юпитера, Сатурна и Марса в знаке Рыб и что вследствие этого астрономического события произойдет потоп. Всякий, кто только мог, запасался лодкой или другим судном, а бедняки связывали для себя плоты. Наконец настал и страшный февраль и простоял весьма сухо, так что не упало в течение этого месяца ни капли дождя. В марте трусы ободрялись и стали смеяться над Штоффлером. Последний однако ж не смутился от неудачи и предсказал конец мира, долженствовавший случиться, по его мнению, в 1588 году. И этому верили в свое время.

Астролог Авенар предсказал евреям пришествие Мессии в 1444 году и причинил немалое волнение между германскими и итальянскими евреями того времени, которые с 1444 но 1446 год не затворяли окон своих домов для принятия ожидаемого ими Мессии.

Кардан предсказал долголетие английскому королю Эдуарду VI, но тот умер, достигнув 16-тилетнего возраста.

Доверие к астрологии исчезло еще в прошедшем столетии, и астрологические предсказания вошли в одну категорию с толкованиями снов.

Древние были гораздо богаче нас предрассудками о предзнаменованиях. У них море, небо, земля, метеоры, кометы – все служили указателями будущих событий. Гремел гром – и тотчас замечали, с которой стороны он раздался: если с правой, то это было дурным знаком; если же с левой, то хорошим. О появлении комет и говорить нечего: они подавали повод к самым странным толкованиям. Считали необходимым и согласным с обыкновенным ходом вещей и природы, что за кометами следовали для человеческого рода напасти и бедствия. Смерть великих людей, а иногда просто богачей, моровые поветрия и войны непременно предвещались кометами.

Суеверие так сильно действовало на римлян, что, по их мнению, появление внутри сената крысы или зайца могло изменить судьбу республики. Так, внезапное появление мыши заставило Фабия Максима сложить с себя диктаторство, а заяц побудил консула Фламиния отказаться от начальства над конницею. В важных государственных делах советовались со священными курами и цыплятами, и законы издавались не иначе, как после наблюдения внутренностей закланного на жертвеннике козла, и по числу зерен, склеванных в храме цыпленком. Прежде объявления войны или заключения мира всегда прислушивались к блеянию барана, приведенного к жертвеннику, и мнение жрецов, основанное на этом блеянии, одерживало иногда верх над мнениями опытных полководцев.

Тит Ливий жалуется на то, что современники его мало верили авгурам и арусвициям. «Этими мелочами не следует пренебрегать, – говорил он, – потому что от них зависит судьба республики». Дух просвещения возникал уже и в Риме, когда Цицерон написал свой трактат о ничтожестве гаданий и предзнаменований, а Катон отвечал встревоженному гражданину, с ужасом рассказывавшему, что крысы съели ночью его сандалии: «Успокойся, друг мой, потому что случай, который ты рассказываешь, не предвещает ничего худого. Вот было бы другое дело, если бы сандалии твои съели крыс».

Рождение уродливого младенца считалось весьма дурным предзнаменованием, и вследствие этого родители сами убивали несчастных малюток или бросали их в Тибр для умилостивления гнева олимпийских богов. Раз как-то сова влетала в храм, и в тот же день у одного грека родился двухголовый младенец. Сенат собрался для рассуждения об этом столкновении неблагоприятных предзнаменований и, по совету авгура, новорожденного бросили в Тибр, а его родителей вместе с совою похоронили живых на Марсовом поле.

Римляне до того были суеверны, что войско едва не возмутилось против своего любимого вождя Октавия Августа, когда узнало, что он нечаянно надел правую сандалию на левую ногу. Даже в XVI столетии один из величайших астрономических гениев, Тихон Браге, трепетал при виде зайца и, если встречал его на дороге, то, оставив самые важные дела, возвращался домой.

Да что говорить о том, что было в старину, когда и наше поколение не совсем свободно от самых бестолковых предрассудков! Многие поныне думают, что выпавшая из печи головня или нечаянно погашенная свеча предзнаменует прибытие нечаянного гостя; то же самое говорят, когда увидят облизывающуюся кошку. Звон в ухе также имеет свое значение: если звенит в правом ухе, то предстоит беда, а если в левом, то счастье. Когда чешется правый глаз, то будешь скоро плакать; когда же левый, то смеяться. Чешущаяся правая ладонь предвещает скорую выдачу денег, а левая скорое их получение. Есть люди, которые считают счастливым предзнаменованием, когда пробежит по ним паук; а наши простолюдины никогда не убивают черных тараканов[4], полагая, что они приносят счастье хозяину дома. Что до меня касается, то хотя и и не принадлежу к числу отъявленных трусов, но невольная дрожь пробегает по моему телу, и сердце судорожно сжинается при одном виде черного таракана, тогда как всякое другое насекомое и без отвращения могу взять в руки. Но если, по несчастию, отвратительное черное животное, которого один вид так для меня ненавистен, коснется моего тела, то со мною делаются судороги. А я как натуралист очень хорошо знаю, что это животное совершенно безвредно.

Но это уже пример антипатии, а не суеверий или предрассудка. Если бы и захотел оглянуться, то мог бы назвать многих очень умных и образованных людей, не предпринимающих ничего важного в понедельник или пятницу и страшащихся следствий нечаянно просыпанной за столом соли. Как часто случается видеть, что новый собеседник, являющийся за стол, где уже сидят двенадцать гостей, бледнеет и отказывается сесть, пока не выйдет из-за стола кто-либо из домашних или не выручит его прибытие нового гостя, – и все это во избежание того,

[4] Blatta orientates.

чтобы за столом не было рокового числа 13, влекущего за собою, как известно, смерть одного из собеседников в течение того же года.

Но вот еще новая беда. Один из гостей – человек молодой и, следовательно, неопытный, незнающий, что известное положение вилки, ножа и ложки может повлечь за собою бездну несчастий, кладет эти орудия крест на крест на своей тарелке. Скорее уничтожьте этот роковой знак, иначе неотразимая смерть грозит неопытному юноше или одному из его близких родственников.

А ведь есть же люди, которым и три зажженные свечи, поставленные на одном и том же столе, нипочем!

Каждый из упомянутых предрассудков имеет свое основание, которое, впрочем, не всегда возможно отыскать. Только подробным систематическим развитием происхождения и постепенного распространения между людьми известных предрассудков можно показать, что ложь происходит часто от истины и делается ложью только вследствие самонадеянности и шаткости человеческого ума.

Не все однако ж суеверия и предрассудки прожили до нашего времени. Уже давно никто не верит ни в убийственный взгляд василиска, ни в возрождение Феникса, ни в саламандр, обитающих в огне, ни в нереид, тритонов, сирен, драконов, грифонов, крылатых змей и т. п., хотя большая часть этих рассказов основана на действительной форме животных первобытного мира, которых окаменелые остатки мы теперь находим в разных напластованиях земной коры.

Не далее как в начале текущего столетия английские журналы извещали о красивой собою сирене, явившейся в Шотландии и имевшей зеленые длинные волоса и рыбий хвост. Она около полутора часов плескалась на поверхности моря, не оскорбляясь, что множество зрителей любовались обнаженными ее формами. Многие поверили этому известию. Что же удивляться, если находим у натуралиста Плиния, что в царствование Клавдия видели на морском берегу близ Лиссабона молодого тритона. Подобное же чудо случилось в Галлии во времена Августа. Тритонов и сирен видели везде, особенно в Африке. Павзаний, писатель правдивый и просвещенный, уверяет, что он сам видел тритона. Элиан рассказывает о засушенном тритоне, показывавшемся в Ливадии. По словам Фульгозия, в папство Евгения IV, тритон вышел на берег и похитил ребенка, но был преследован и убит. Он был совершенно также устроен, как всякий человек, только имел на лбу два рожка, за плечами два крылышка и плавательные перья на руках и ногах.

В 1547 году иезуит Генрихез собственными глазами видел девять хорошеньких тритонов, пойманных неводом в западной Индии.

Скажем теперь нисколько слов о симпатии и антипатии.

Один из древнейших писателей о симпатии называет ее *сродством ума и сердца.* Древние однако ж удивительно распространили круг этого сродства: по их мнения, слон имел сродство с бараном, потому что при виде барана будто бы утихает гнев раздраженного слона. Агриппа находит симпатии между виноградною лозою и оливковым деревом, а также между смоковницею и миртом. Подобного рода симпатии были также открыты между львом и петухом, вороном и совою, виноградом и капустою, и многие другие.

Математик Кардан уверял, что ящерица чувствуете симпатию к человеку, а по мнению Ронделя, все большие морские животные, не одаренные острым зрением, имеют вокруг себя прислужников из маленьких рыбок, которые стараются отыскивать для своего повелителя добычу и наводить его на нее. Это нечто вроде мальчика, который, по словам романса, водит слепого Велизария, хотя, не во гнев автору романса, Велизарий никогда не был водим мальчиком.

Натуралисты и философы в прошедшем столетии принимали два вида симпатии – чувственный и нравственный. Действия чувственной симпатии – чисто физиологические и меха-

нические. Их часто смешивали с естественными явлениями сильно развитых органов чувств или с животным инстинктом. Так младенец ищет грудь матери; животное умеет отличать полезную пищу от вредной; шерсть у лошади становится дыбом при виде льва или медведя; а собака отыскивает следы своего господина вследствие сильно развитых органов обоняния.

Нравственная симпатия имеет началом своим нравственное чувство, свойства индивидуальных характеров, нравы, обычаи и привычки. Встречаясь в первый раз с человеком, вы иногда чувствуете к нему влечение или отвращение, по-видимому ни на чем не основанные. Но разберите хорошенько ваши чувства, разберите свойства этой симпатии или антипатии, и вы увидите, что они берут свое начало в незаметном, так сказать, невольном суждении вашего ума, который при первой встрече с новым лицом делает по некоторым наведениям сравнение между качествами этого человека (которого вы часто вовсе не знаете) и между вашими собственными понятиями, наклонностями и вкусами. Повторяем, что ум, схватывающий весьма быстро характерные признаки, невольно и незаметно составляет сравнение по наведениям, ему свойственным, между новым лицом и вашими собственными качествами и выводит свое заключение. Действие это происходит так быстро и независимо от воли, что мы замечаем обыкновенно только один его результат или крайний его вывод.

Ясно, что все таинственное, которым старались объяснять странные чувства симпатии и антипатии, подходит под определенные законы, и строго логический пытливый ум может служить надеждой руководной нитью в этом темном лабиринте.

А у врачей и алхимиков XV и XVI столетий можно найти большие диковинки о симпатии. Фан Гельмонт рассказывает, что один брюссельский житель, человек очень богатый, потеряв в сражении нос, обратился к хирургу, предлагая ему огромную сумму, если он сможет вновь вырастить ему нос. Хирург согласился и, отыскав одного бедняка, которого организация, по мнению его, симпатизировала с организациею безносого брюссельца, уговорил беднягу позволить отрезать ему нос за вознаграждение десятью фунтами золота. Отрезанный нос был приставлен брюссельскому гражданину и прирос как нельзя лучше, потому что нос симпатизировал с остальным организмом. Спустя несколько лет бедняк, продавший нос, умер: проданный член начал холодеть на лице нового своего хозяина, загнил и вскоре вовсе отпал, потому что он все-таки имел более симпатии с организацией старого хозяина, чем нового. Фан Гельмонт ссылается на свидетельство многих брюссельских жителей, могших подтвердить справедливость факта. Но так как этому делу прошло около трех столетий, то справки навести будет довольно мудрено.

Лежандр рассказывает о двух близнецах, из которых один почувствовал сильную боль в груди в то самое мгновение, когда близнец его был ранен в сражении, и именно в грудь. Сражение это происходило в Италии, а первый близнец находился в то время в Париже.

Этьен Пакье приводит пример других двух близнецов, из которых одного хотели уморить голодом в тюрьме. Но все старания оставались тщетными, потому что близнец, находившийся на свободе, преисправно кушал за двоих; когда же заключенному отрубили голову, то близнец его также мгновенно умер, и после его смерти найден красный рубец на шее.

Есть не менее странные анекдоты об антипатиях. Иной не может видеть мыши, другой кошки; маршал Альбер, человек самой отчаянной храбрости, дрожал как лист при виде свиньи. Актриса Конта имела такую антипатию к зайцам, что проходя мимо вывески одного купца, на которой был нарисован заяц, упала в обморок.

Было время, когда повсеместно в Европе укоренилось мнение, что кровь убитого человека приходит в волнение в присутствии убийцы. Такому странному поверью принесено много невинных жертв. Когда кардинал Медичи, сын Козьмы Тосканского, был умерщвлен, то при входе брата его, Гарсии Медичи в залу, где находилось тело убитого, кровь умерщвленного кардинала потекла будто бы вновь из раны. Козьма, признав это за доказательство виновности Гарсии, немедленно приказал его казнить.

Шарлатаны умели искусно пользоваться предрассудками касательно симпатии. Не говоря уже о заговариваниях зубной и других болей, скажем, что существовало поверье, будто, имея в руках клочок волос какого-либо человека, можно лечить его от болезни, хотя бы он находился от врача и лекарства на расстоянии нескольких тысяч верст. В этом отношении славился некогда симпатический порошок кавалера Дигби, долгое время морочившего всю английскую аристократию. Какой-нибудь англичанин, раненый во Франции или Испании, спешил послать в Англию к сэру Дигби компресс, снятый с раны и обагренный кровью больного. Дигби посыпал компресс своим порошком, и больному немедленно становилось легче; он клал компресс на лед, и больной чувствовал в ране холод; когда же компресс, посыпанный порошком, приближали к огню, то больной за тысячи верст чувствовал в ту же минуту жар; и всему этому верили, верили слепо, и считали невеждою того, кто бы смел усомниться в действительности порошка Дигби.

Образчики порошка Дигби дошли до нашего времени, и химический анализ показал, что таинственное снадобье состояло из железного купороса, адрагантовой камеди и некоторых других растительных веществ, не одаренных никакими особенно замечательными свойствами.

Искусство заговаривать было чрезвычайно распространено у древних, особенно в отношении к новобрачным. У Геродота читаем, что нильский пастух заговорил Амазиса Великого и Лаодикию. Тацит рассказывает, что мстительная Нумантина была обвинена перед сенатом в том, что заговорила первого своего мужа, претора Сильвана, но она сумела оправдаться в этом обвинении. Жена Стиликона, Сфена, заговорила императора Гонория, желавшего жениться на несовершеннолетней Марии. По свидетельству Феокрита и Виргилия, сицилийские и мантуйские пастухи, достигшие седых волос, заговаривали молодых своих товарищей, чтобы уронить их во мнении пастушек. Французский историк Гибер-ле-Ножан уверяет, что родители его были заговорены в течение семи лет и что какая-то добрая старушка, зашедшая к ним в гости, уничтожила очарование, вследствие чего родился наш историк. На провинциальных соборах в Милане, Туре, Монте-Кассине, Ферраре и Мелене (1579 г.), преданы проклятию люди, обладавшее тайною заговаривать. В сочинениях шотландского короля Иакова I приведены сотни примеров заговариваний.

Хроники Средних веков содержат в себе несколько любопытных рассказов по этому предмету. Когда Изабелла, дочь Альфонса Арагонского, выходила замуж за Галеаса Миланского, то Людовик Сфорца заговорил новобрачных из ревности. Мария Падилла, любовница Петра Кастильского, заговорила его к королеве Бьянке.

По словам демонолога Дельрио, Венера, рассердясь на паросских женщин, заговорила всех мужей и юношей на Паросе, и только многократными жертвами умилостивили богиню любви.

Парламенты во Франции признавали заговариванье новобрачных уголовным преступлением. В 1582 году парижский парламент приговорил к виселице Абеля Деларю за то, что он заговорил Жана Моро из Куломье на первый день брака.

Средневековые колдуны разнообразили не только силу заговариваний, но и самую их манипуляцию, то есть приемы, употребляемые при таких чарованиях. У демонолога Боденя описано более пятидесяти способов заговариванья. Самое действенное из его средств состоит в следующем. Взять ремешок или шнурок и завязать на нем первый узел, произнося слово *рибальд,* при втором узле слово *небал,* а при третьем *ванарби.* Эти узлы должно завязывать в то самое время, когда совершается обряд венчания. Первый узел завязывается слегка, второй покрепче, а третий совершенно крепко.

Петрарка рассказывает про Карла Великого следующий анекдот, присовокупляя, что нет возможности сомневаться в его истине.

Находясь в Ахене, Карл был заколдован одной женщиной, так что не только держал ее при себе во время ее жизни, но не мог даже расстаться с ее трупом после (вскоре воспоследовавшей) смерти красавицы-колдуньи. Ученый Турпин воспользовался минутою сна своего повелителя и, осмотрев уже начинавший портиться труп, нашел под языком умершей кольцо, скованное пополам из золота и железа. Турпин вынул кольцо, и Карл, проснувшись, немедленно приказал похоронить труп. Но кольцо сохранило свою волшебную силу, и Карл душою и телом привязался к Турпину, которому такая привязанность сделалась наконец тягостною. Тогда он зарыл кольцо в землю в Ахене, на том самом месте, где очарованный Карл выстроил впоследствии свой дворец, не в состоянии будучи оставить этого города и основав в нем свое постоянное местопребывание.

Если было множество средств для заговариваний, то не менее того можно найти их для разрушения произведенных чар и произнесенных заклятий. Средства эти разнились, смотря по времени и понятиям общества. Они описаны у тех же демонологов, о которых мы выше упоминали.

Общее средство от всех заговариваний, какого бы рода они ни были, состояло в натирании всего тела кунжутным маслом с вороньею желчью. Против любовного заговариванья хорошо помогало, как думали, масло из божьего дерева[5], кустарника весьма обыкновенного в наших садах, также листья пижмы[6] и римской ромашки[7], смешанные пополам. Также принимали териак с зверобоем, если полагаться на слова Николая Флорентина.

В прошлом веке Тьер, в своем «*Traité des superstitions*», насчитал двадцать два средства, употреблявшиеся против заговариванья. Главнейшие и самые действенные из числа предохранительных были следующие.

1. Положить себе в карман соли, завернутой в треугольную бумажку, или в каждый из чулков положить по медной монете, когда ехать венчаться.

2. В день свадьбы надеть на себя две рубашки, из которых нижнюю наизнанку.

3. Держать в левой руке бумажку, на которой написаны слова: *«Omnia ossa mea arida»*. Тогда всякое заговариванье окажется недействительным.

4. Тот, кто в течение девяти дней сряду перед самым солнечным восходом будет писать на пергаменте новым пером трижды слово *ригазиртор*, тот, сжегши в десятое утро этот пергамент, смело может идти на встречу всякому колдовству в течение девяти месяцев.

5. Если, вставая утром с постели, произнести трижды слово *темон,* закрыв глаза и закинув руки за спину, то нечего боятся в тот день заговариванья. Но это средство действительно только во время ясной погоды; если же пойдет дождь, то необходимо, выйдя на улицу, трижды потереть глаза дождевой водой, произнося слова: *кабир, нутех, серендиб.*

6. Если кто на солнечном восходе, взяв левою рукою правое ухо черной кошки, повернется трижды на левой ноге и, пока мяучит кошка, успеет сказать девять раз слова *пуль, чвас,* тот при первом взгляде на колдуна увидит на лбу его три красные пятна в виде треугольника.

От дальнейших нелепостей этого рода мы уволим наших читателей, полагая, что дали им достаточное понятие о заговариваниях и других подобных средствах.

Нам остается теперь сказать несколько слов о существующем во многих местах суеверии, будто бы с помощью палочки или ветви орехового дерева можно отыскивать не только яды и скрытые под землею родники воды, но даже следить и открывать совершивших тайное убийство. У нас, в России, такое мнение совсем не существует, и хотя есть поверье о способах отыс-

[5] Thuja occidentalis.

[6] Tanacetum.

[7] Anthemis nobilis.

кивания кладов, но только не с помощью орехового прута, а другими средствами, о которых не будем теперь распространяться, предоставляя себе познакомить читателей нашего журнала с этим предметом в особой статье. В Западной же Европе, и особенно во Франции, ветвь орешника играет между простолюдинами важную роль и нередко является перед уголовным судом. Мне самому случилось присутствовать при двух таких процессах: первый раз в Кольмаре, а второй в Страсбурге.

Мы расскажем здесь один примечательный случай, сохранившийся в летописях лионского уголовного суда.

Один богатый винопродавец в Лионе был убит ночью вместе с женою, двумя малолетними детьми, служанкою и приказчиком, и деньги его украдены. На утро, когда узнали о преступлении, полиция употребляла различные меры для открытия злодеев, но все усилия оставались тщетными, так что приходилось наконец прекратить поиски и предать дело суду Божью. В это время случился в Лионе крестьянин из Дофине, по имени Эймар (Aymard), который славился колдуном в своем околотке и сам разглашал своим знакомым, что с помощью орехового прутика он не только может узнавать всякую порчу, происходящую от колдовства, но даже открывать воров и убийц. Слухи эти дошли до следственного судьи, и тот, желая обличить хвастуна, потребовал его к себе.

– Правда ли, что ты обладаешь способностью открывать убийц, скрывшихся от руки правосудия? – спросил судья у крестьянина, несколько смутившегося от такого вопроса.

– Правда, – отвечал тот, подумав немного.

– А если я сейчас захочу испытать тебя, согласишься ли ты исполнить мое желание?

– Я согласен, – отвечал крестьянин решительно, – только мне нужен прут из орешника и присутствие на месте преступления во время восхода солнца.

Довольный таким ответом судья сделал немедленное распоряжение и на другой день при восходе солнца Эймар стоял в погребе, где совершилось убийство, с прутиком в руках.

Окно жилья погребщика было обращено к востоку, и едва первый луч восходящего солнца блеснул в обагренном недавней кровью покое, как Эймар сильно задрожал, прут завертелся в его руках и направился к двери. Колдун пошел по этому указанию, а за ним судья, полицейская стража и множество любопытных. Следуя влечению прутика, Эймар прошел по городским улицам, дошел до ворот города и, выйдя в поле, следовал по правому берегу Роны. Пройдя таким образом несколько верст, повернули в сторону и остановились у дома какого-то небогатого огородника. Эймар утверждал, что воры останавливались здесь и, войдя в дом, отыскал с помощью прута три пустые бутылки, утверждая, что убийцы пили из одной из них. Огородника не было дома, но десятилетий сын его вместе с сестрой годом моложе его, показали, что за несколько дней (и именно на другой день после убийства) три незнакомых мужчины заходили сюда утром и, выпив бутылку вина, щедро заплатили за нее хозяину.

Этот первый результат произвел удивительный эффект на толпу, шедшую за колдуном из Лиона, и заставил судью призадуматься. Многие из лионских граждан решились следовать за Эймаром далее, но вскоре должны были отказаться от такой решимости, произведенной неодолимым любопытством. Эймар, выйдя из дома огородника, направился к реке и объявил, что злодеи взяли здесь лодку и поплыли отсюда водою.

По справке оказалось, что действительно в день посещения трех подозрительных людей у огородника была украдена лодка, привязанная у того места, которое означил колдун.

Достали другую лодку, и судья сел в нее с Эймаром и несколькими полицейскими солдатами. Любопытные граждане поневоле должны были возвратиться в Лион, где пошли толки про необыкновенный дар крестьянина из Дофине.

Проплыв по реке и пройдя арку Виенского моста, под которой обыкновенно никогда не проезжали лодки, Эймар вышел на берег и пустился с пристани по указанно прутика в кабак. Таким образом обходил он селения, останавливаясь у постоялых дворов, харчевень и каба-

ков, узнавая места, где останавливались преступники, и указывая постели, на которых они спали, и стаканы, из которых пили. Каждое открытие такого рода проверялось допросом и служило новым торжеством для колдуна. Наконец он останавливается перед Саблонским лагерем: ореховый прут быстро вертится в его руках и как бы собственной силой, вырвавшись, упал на землю, по направлению к лагерю. Тогда Эймар объявил, что убийцы в лагере. Но судья, не имевший при себе нужных полномочий, встретил здесь препятствие со стороны местного начальства и должен был возвратиться в Лион для изготовления по форме нужных бумаг.

Когда надлежащие распоряжения были сделаны лионским начальством и нужные предписания посланы, куда следовало, судья берет с собой Эймара и идет в лагерь, но убийц уже здесь не было. Прибегают опять к волшебному прутку и с помощью его доходят до Бокера. Ореховая ветвь ведет к городской тюрьме, где содержалось тогда до пятнадцати человек, обвиняемых в различных проступках. Эймар спокойно проходит перед четырнадцатью и останавливается перед последним заключенным, низеньким и горбатым старичком, посаженным в тюрьму за кражу, сделанную во время ярмарки, бывшей за несколько дней пред тем.

Эймар объявил положительно, что горбун был одним из убийц погребщика.

Напрасно клялся горбун и запирался от участия в таком ужасном преступлении. «Хоть я и вор, но не убийца, – говорил он. – И в целую жизнь мою никогда не бывал в Лионе». Несмотря на то, горбуна взяли из тюрьмы и повели на те места, где Эймар указывал, что преступники останавливались: везде узнавали горбатого старика, и он, пораженный таинственным ужасом, откровенно признался в своем злодеянии.

Из его признания было видно, что он сошелся в трактире с двумя негодяями, которые предложили ему участвовать в ограблении погребщика, обещая дать ему половину всей украденной суммы. Причиной такого приглашения было то, что горбун был некогда механиком и славился между мошенниками искусством отпирать без ключа самые крепкие замки. Он в самом деле не положил охулки на руку и в десять минут отворил железную дверь погреба. В первой комнате спал приказчик, и, боясь помехи с его стороны, воры отрубили ему голову взятым с собою на всякий случай топором. Затем они убили самого хозяина, но хотели пощадить детей и женщин; те однако ж, проснувшись и видя страшную сцену, начали кричать и звать на помощь, почему злодеи умертвили и их. Затем взломали конторку, вынули деньги и ушли точно по тому направленно, которое указывал Эймар с помощью орехового прута. Они оставались несколько дней в Саблонском лагере, откуда пошли на Бокерскую ярмарку, где горбун был пойман в краже, и, попав в тюрьму, потерял своих товарищей из виду.

После этих признаний Эймар был вновь отправлен в Бокер для отыскания следов других преступников. Короче сказать, он напал на следы двух остальных злодеев и преследовал их через Марсель до Тулона: здесь он указал гостиницу, где они останавливались. Но уже было поздно: преступники, обобравшие в Марселе очень богатого купца, уехали за два дня перед прибытием Эймара на корабле и скрылись от преследования.

Горбун был присужден к смертной казня, и, взойдя на эшафот, подтвердил истину своего признания и торжество гренобльского крестьянина-колдуна.

Вслед за тем предстояло новое испытание искусству Жана. Вблизи Лиона обокрали богатого фермера, и все обратились к Эймару с просьбой отыскать вора. Вооруженный ореховой веткой, Жан отправился на место преступления и скоро не только отыскал вора, но и место, где были спрятаны деньги.

Как ни убедительны были такие опыты, многие считали однако ж Эймара за искусного обманщика и решились сделать ему новое испытание. В то время, как он отыскал вора, обокравшего фермера, некоторые из присутствующих сговорились нарочно украсть у Жана кошелек, и когда тот заметил пропажу, то предложили ему употребить в дело волшебный прутик. Последний остался однако ж недействительным, и Эймар отвечал, что он умеет отыскивать

только истинных преступников, похитители же его кошелька не воры, а просто шутники и сговорились позабавиться над ним.

Скептики накушались грязи и, сев на ковре недоумения, положили в рот палец удивления.[8]

Слава гренобльского крестьянина прогремела в целой Франции, и многие издалека приезжали советоваться с владетелем магического орехового прутика. Эймара считали за волшебника и, родись он сотней лет раньше, то не миновать бы ему костра или смерти в застенке тюрем инквизиции. К счастью, он жил не в XVI, а в начале XVIII века. В искусстве Жана никто более не сомневался, но только не могли постигнуть, каким образом совершает он свои открытия. Академики и другие ученые вмешались в дело и не только не пояснили его, но еще более запутали. Лебрен и ученый Малебрании написали целые тома страшной галиматьи об Эймаре и его таинственных действиях. Читая этих господ, скорее можно поверить, что писали не академики, а постоянные нахлебники дома умалишенных.

Недолго однако ж продолжалось торжество и знаменитость гренобльского крестьянина.

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться;
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.

Так открылась истина таинственных действий Жана Эймара, и громкое его имя вместе с рассказами о диковинках, им произведенных, исчезло как сновидение, оставив только след у современных демонологов да у собирателей повествований о диковинных приключениях.

Но прежде, чем мы примемся за развязку этого таинственного полуромана, надо упомянуть еще о некоторых действиях нашего колдуна, прославивших его на короткое время в целой Франки.

Вскоре после казни преступника, пойманного в Бокере и история которого уже рассказана нами, совершено близ Гренобля новое уголовное преступление: муж срезал жене своей голову одною из кос, которыми косил сено в окрестностях города. Убийство было открыто через нисколько часов, и виновный признался в своем преступлении, указав даже то место, куда спрятал орудие, которым убийство было совершено. Коса лежала вместе с тремя другими, принадлежавшими также убийце, и отличалась от них едва заметными следами засохшей крови. Следственный судья вздумал воспользоваться этим обстоятельством для испытания Эймара. Он потребовал его к себе, и, завязав ему глаза, дал в руки волшебный прутик; немедленно за тем он положил найденные у преступника четыре косы в соседнюю комнату, так что каждая из них лежала в отдельном углу, и, введя Жана Эймара, приказал ему отыскать прутиком ту, которая служила для совершения преступит. И на этот раз жезл не изменил колдуну: он повернулся над окровавленною косою, оставшись без движения над тремя остальными.

Ученый врач Сент-Андре был свидетелем этого подвига и написал по этому поводу несколько весьма любопытных писем, наделавших в свое время очень много шуму. В этих письмах доказывалось, между прочим, что искусство открывать преступников с помощью орехового прутика было известно гораздо ранее Эймара, но что преимущественно ореховый жезл употреблялся прежде для отыскания скрытых под землей родников и кладов. По уверению того же автора, в Средние века, в Англии были особенные искусники дресирования собак для преследования воров и убийц. Как скоро совершались где-либо кража или уголовное преступление, виновники которых скрылись от руки правосудия, то дрессированные *ad hoc* собаки приводились на место преступления, где хозяин хлестал их ореховыми прутьями и потом пускал

[8] См. Lettres sur la magie et les maléfices, écrites par le docteur de Saint-André, № 7.

бежать по воле. Ученое животное немедленно пускалось по следам виновного, руководствуясь не столько чутьем, данным ему в удел природой, сколько необыкновенным инстинктом, сообщенным ему ореховыми розгами; и преследование продолжалось до тех пор, пока виновные не были настигнуты и преданы в руки правосудия.

По-видимому, ничего не может быть лучше и полезнее подобного рода открытий, с помощью которых так удобно отыскивать бездельников, преграждая им путь к нанесению обществу дальнейшего вреда. Стоит только гулять по свету с ореховым прутиком в руках или еще лучше в сопровождении стада собак, высеченных ореховыми розгами, и забирать без справок всех, над кем повернется прутик или кому вцепятся собаки в икры.

Правда, что и тогда находились благоразумные философы и натуралисты, которые не довольствовались хитросплетенными бреднями. Они весьма основательно возражали, что вода, находящаяся на несколько сажень под землею, окровавленный кусок металла или испарения тела убийцы, находящегося на расстоянии нескольких десятков верст, отнюдь не могут насильственно повертывать прут в руках сильного крестьянина. Кража, убийство и тому подобные преступления суть действия, относящиеся единственно к нравственному состоянию человека, и нисколько не изменяют физического сложения тела виновного. Убийца и вор отделяют совершенно одинаковые эманации, как прежде, так и после совершения преступного действия. Против таких истин мудрено было спорить, не вдаваясь в явные нелепости.

Испуганные такими затруднениями и не находя физических объяснений таинственного могущества орехового прута, ученые Лебрен и Малебрании бросились в другую, не менее чудовищную крайность: они вздумали приписывать способность Жана Эймара скрытому содействию нечистой силы! Следствием такого странного объяснения было новое прение, изменившее физический характер прежнего в демонологический, но нисколько не разрешившее прежних затруднений. Противники упомянутых нами двух ученых утверждали, что невозможно предположить, чтобы дух зла, радующийся каждому преступлению человека, стал помогать преследователям преступников и гоняться по суше и морям за людьми, ему приверженными, с целью предать их заслуженному наказание. Гораздо основательнее думать, что темные силы покровительствуют злодеям, а не противоборствуют им. Но Лебрен и Малебрании не удовлетворялись подобными возражениями и продолжали нести страшную дичь, подкрепляя ее множеством ученейших цитат и указаниями на *собственные опыты.*

Наконец шум ученых споров и повсеместные рассказы о необыкновенной способности Жана Эймара достигли до первейших особ двора Людовика XIV. Принц Конде, удивленный странными похождениями гренобльского крестьянина, пожелал лично увидеться с ним и испытать его искусство. Вследствие этого Эймар был привезен в Париж на иждивение принца и помещен для жительства в собственном его дворце, где его окружили невиданною им до того времени роскошью.

Дав колдуну отдохнуть в течение нескольких дней, его представили принцу. Эймар несколько смутился, но принц поспешил ободрить его ласковым приветом.

– Правда ли то, что про тебя рассказывают? – спросил Конде у крестьянина.

– Мало ли что болтают про людей, – робко отвечал Эймар, – не всякому слуху верь.

Принц улыбнулся:

– Можешь ли ты отыскать вора и похищенную им вещь?

– Могу, но для этого нужно несколько условий.

– Какие именно?

– Мне нужно находиться на самом месте, где случилось похищение и притом именно в то время, когда первые лучи солнца покажутся на востоке. Вдобавок мне необходим мой ореховый прут.

– Каким образом можешь ты напасть на следы вора?

– Движение прута руководит мной.

– Поэтому ты действуешь совершенно бессознательно и повинуешься движении прута.

– Да.

– Воля твоя нисколько не участвуете в движении прута?

– Нисколько.

– Но если прут будет оставаться неподвижным?

– Тогда я продолжаю свои поиски.

– А если и в продолжение этих дальнейших поисков прут не будет вертеться?

– В таком случае объявляю, что на указанном мне месте не совершилось преступления.

– Каким случаем открыл ты в себе способность к такому таинственному действию?

– Этого я и сам не знаю.

– Думаешь ли ты, что всякий другой может сделать с помощью прута то, что ты делаешь?

– И это мне неизвестно.

– Не чувствуешь ли ты в себе чего-либо необыкновенного, отличающего тебя от прочих людей?

– Ничего.

– Старался ли ты когда-нибудь дать самому себе объяснение таинственных и необыкновенных действий, производимых ореховым прутом в твоих руках?

– Я неоднократно пытался размышлять об этом, но мысли мои при таких попытках так перепутывались, что я невольно должен был прекращать подобного рода размышления.

– Уверен ли ты, что способность твоя есть врожденная?

– Я думаю так по крайней мере.

– Не старался ли ты усовершенствовать какими-либо средствами эту способность?

– Никогда.

– Не обманывало ли тебя при каком-нибудь случае указание орехового прутика?

– До сих пор ни разу.

– И ты уверен, что никогда не обманет?

– Не знаю, но надеюсь, что движение прута в моих руках всегда укажет мне истину.

– Готов ли ты показать мне опыт своего искусства?

– Извольте приказать, ваше высочество.

– Если ты действительно оправдаешь слышанные мною о тебе рассказы, то я щедро награжу тебя и постараюсь, чтобы способность твоя принесла и тебе, и другим пользу. Но если ты просто обманщик, то берегись: я разделаюсь с тобой за плутовство. Готов ли ты и после этого принять испытание?

– Я откровенно высказал вашему высочеству все, что сам знаю, и тысячи свидетелей могут подтвердить истину опытов, которые я делал своим прутиком. Я готов и теперь, и всегда повиноваться вашей воле, но последствия зависят не от меня, потому что я, как уже сказывал вам, действую безотчетно и повинуюсь независящему от меня влечению. Поэтому я не заслуживаю ни награды в случае удачи, ни наказания в случае неуспеха. Впрочем, вполне полагаюсь на правосудие вашего высочества.

Как после такого откровенного и чистосердечного признания можно было сомневаться в искренности Жана Эймара.

Принц отпустил его очень милостиво, объявив, что на днях будет сделано испытание необыкновенной его способности.

В самом деле дня через четыре Эймара разбудили до рассвета и повели в кабинет принца, сказав ему, что его высочество желает подвергнуть испытанию силу его орехового жезла по случаю пропажи, случившейся прошлым вечером в его кабинете. Жана ввели в раззолоченную комнату, в которой находился Конде со многими из придворных и небольшою свитою избранных собеседников, проведших с ним ночь за ужином. Как только ввели Эймара, общее внимание устремилось на колдуна, и принц обратился к нему со следующими словами:

– Ты мне очень понравился, Эймар, твоею искренностью в разговоре, который был у нас четвертого дня. Я так убежден в истине той способности, которою ты обладаешь, что хотел отпустить тебя без всякого испытания, но вдруг представился неожиданный случай, заставивший меня прибегнуть к твоему искусству.

Принц остановился на несколько секунд. Жан Эймар в это время ему низко поклонялся.

– Слушай, – продолжал принц, – вчера вечером случилась в моем кабинете пропажа, и это обстоятельство тем страннее, что никто не входил в это время в мой кабинет, кроме меня самого, моего первого камердинера и четырех дворян, которых ты видишь по правую сторону от моего кресла.

Эймар взглянул на собеседников, на которых указал ему принц. Он не знал их в лицо, но заметил по одежде и другим признакам, что они должны принадлежать к числу знатных придворных. В самом деле все эти господа принадлежали к лучшему французскому дворянству.

Принц дал Эймару время оглядеться и потом вновь обратился к нему с вопросом:

– Можешь ли ты отыскать мне вора и украденную вещь? Сейчас взойдет солнце, а за ореховым прутом послать недалеко, если только ты не взял его с собой.

Жан Эймар вынул ореховый прутик из кармана и с низким поклоном объявил принцу, что он готов повиноваться и показать ему опыт своего искусства.

Нашего чародея повели в кабинет принца, его высочество пошел туда же со всею своею свитою.

Эймар, взяв в руку ореховый прут, несколько раз прошелся по кабинету, но прут остался неподвижным в его руке. Жан, по-видимому, смутился, а те из придворных, которые и прежде спорили против действительности таинственных знаний Эймара, с улыбкою ожидали торжественного оправдания их подозрений. Наконец колдун остановился перед самим принцем.

– Ну, что же, успел ли ты открыть следы вора? – спросил у него Конде ласковым голосом.

– Ваше высочество, в этой комнате не случилось вчера никакой покражи или что-нибудь унесено из нее в шутку и потому вовсе не украдено, – отвечал гренобльский колдун.

Принц обернулся к свите, с нетерпением ожидавшей развязки, и сказал:

– Господа, наш чародей совершенно прав: у меня отсюда ничего не пропало, я только хотел сделать испытание.

Придворные изумились. Одни из них молчал, другие рассыпались в похвалах таинственной способности Эймара.

После такого испытания должны были по-видимому исчезнуть все сомнения в действительности силы орехового прутика. Все говорило в пользу Эймара, а он все-таки был не что иное, как обманщик, хитро успевший пользоваться стеснением обстоятельств. Действительные испытания вполне доказали это.

Чтобы вполне убедить скептиков, принц решился приступить к новым испытаниям.

Он приказал вырыть в саду пять ям и потом, приказав рабочим отойти в сторону, положил в одну яму несколько золотых, а во вторую серебряных монет, закидав их собственноручно землею. Вслед за тем, как эти, так и пустые ямы были зарыты, принц предложил Эймару указать, в которой яме находились благородные металлы. Тут наш колдун смутился, и ореховый его прутик указывал золото там, где было серебро, и серебро там, где ничего не было, кроме песка и камней. Вследствие этого волшебный жезл и его владетель сделались очень подозрительными.

На другой день случилось вот какое происшествие.

У сестры принца Конде украден был серебряный подсвечник. Эймар был призван для отыскания покражи. Он явился со своим прутиком, обошел несколько улиц и наконец остановился перед дверью одного известного серебреника, утверждая, что украденная вещь находится у него в мастерской. Полиция сделала тотчас строжайший обыск, но не нашла ничего, могущего подтвердить такое обвинение. Вдобавок, мастер, оскорбленный несправедливым

наветом, стал укорять Эймара в клевете, сплетенной для оправдания собственного шарлатанства и плутовства. Полиция и зрители, заинтересованные этим делом, приняли разные стороны, и дело дошло до драки, так что принуждены были привести из ближайшей караульни взвод солдат и разогнать освирепевших спорщиков.

Чтобы выпутаться из беды, Жан Эймар уверял, что серебренник успел расплавить украденный подсвечник.

На другой день рано утром мажордом принцессы получил через коммисионера деньги с безымянной запиской, в которой объяснялось, что вор раскаивается в своем поступке, но будучи в физической невозможности возвратить подсвечник в натуре, препровождает сумму, равняющуюся его ценности. К записке в самом деле было приложено 36 ливров; подсвечник же стоил действительно только 32 ливра.

Конде призвал к себе начальника парижской полиции и приказал ему непременно разыскать это дело. Но как ни билась полиция, она не могла добраться до истины; только многие обстоятельства указывали, будто бы сам Эймар прислал деньги и записку, в оправдание клеветы, взведенной им на серебреника.

Пока разыскивалось это дело, из бассейна в Шантильи были выкрадены ночью форели. Конде приказал Эймару отыскать похитителя. Эймар прибегнул к помощи своего жезла и указал на одного мальчика, находившегося в числе садовых работников. Строгий розыск показал однако ж, что этот мальчик нисколько не был виновен в краже форелей, а что истинный похититель был младший сын садовника.

Один из придворных принца распустил слух, что его обокрали, и нарочно выбил в своем кабинете раму. Эймар явился со своим ореховым прутом и после известных манипуляций объявил, что вор вышел и скрылся через выбитое окно. Затем он отправился отыскивать его на улице и, вероятно, обвинил бы кого-нибудь в краже, если бы расхохотавшийся придворный не признался в своей шутке.

Два дня спустя у квартирмейстера полка, содержавшего караулы в Шантильи, действительно украли из комода 800 ливров. Привели Эймара, и так как ореховый прут оставался неподвижен, то гренобльский колдун объявил, что покражи вовсе не было. Несчастный шарлатан воображал, что его снова мистифицируют, и опять попался впросак.

Так как за Эймаром следили сотни глаз и полиция тайно за ним присматривала, то вскоре открылись за нашим колдуном самые неблаговидные проделки. Один молодой человек, обрученный с дочерью купца, получил однажды безымянное письмо, в котором ему советовали прибегнуть к искусству Эймара для узнавания некоторых тайных подробностей о невесте. Жених этот, будучи весьма ревнив, не замедлил явиться к Эймару, который, получив в задаток 50 луидоров, обещал открыть истину с условием, что жених собственноручно напишет вопросы, на которые он желает иметь ответы. Жених охотно согласился на это и тотчас же написал с полдюжины вопросов, прямо касавшихся поведения и нрава его невесты.

Эймар обещал принести ответ через трое суток. Но едва только молодой человек удалился, как наш колдун отправился к невесте и, выхлопотав тайное свидание, объявил ей, что если она не даст ему 5000 ливров, то он погубит ее во мнении страстно любимого ею жениха и расстроит свадьбу невозвратным образом. В удостоверение же действительности сомнений жениха Эймар показал собственноручно написанные им вопросы. Невеста знала мнительность и ревнивый нрав своего суженого и притом, будучи весьма богатой, решилась пожертвовать просимой у нее суммою для избежания козней мошенника, но, не имея наличных денег, она отдала Эймару бриллиантовые серьги, стоившие 8000 ливров. Вследствие такого богатого подарка молодой человек получил о своей невесте самые успокоительный сведения и с радости подарил Эймару еще тысячу ливров.

Казалось, наш колдун обделал это дело как нельзя лучше. Недели через две обманутая им пара соединилась законным браком, и Эймар думал, что теперь не будет более и помину о его

чародейных изысканиях касательно поведения и моральных качеств невесты. На другой день после брака жених, вполне удостоверившись в несправедливости прежних своих подозрений, с раскаянием объявил молодой своей жене о том, как он прибегал к посредничеству Эймара. Растроганная молодая супруга также не утерпела при этом случае и рассказала, каким образом она наказала неуместную недоверчивость, поставив ревнивца в дураки. Новобрачные, вдоволь насмеявшись над этим происшествием, рассказали о нем в тот же день королевскому прокурору, приходившемуся им близким родственником.

Этот чиновник принял однако ж это дело не в шутку, а счел долгом наказать виновного и возвратить дорогие серьги их законной владетельнице.

Накануне ночью был зарезан часовой. Убийцы были случайным образом немедленно открыты и на тайном допросе чистосердечно повинились во всем, в подробности указав улицы, по которым они проходили по совершении убийства, и место, где хотели скрыться. Королевский прокурор тотчас же потребовал Эймара и предложил ему показать чудесные свойства его жезла. Жан повиновался, но жезл его врал страшную чепуху и повел его вовсе не в ту сторону, где скрывались убийцы. Когда объявили колдуну о его ошибке и заставили виновных повторить показания в его отсутствии, то греноблец отзывался тем, что жезл его может отыскивать преступников только до тех пор, пока они еще не пойманы или по крайней мере пока нет еще сознания виновных.

Но такие отговорки не пособили шарлатану. К тому же прокурор успел в тот же день отыскать ювелира, которому Эймар продал серьги, выманенные им у молодой девушки. Пошли дальнейшие розыски и открылось, что Эймар имел множество соучастников, пособлявших ему обманывать легковерных и морочить даже судебные места. Открылись многие мошенничества, произведенные этой шайкой, главою которой был мнимый обладатель волшебного жезла.

Эймара судили и вместе с двадцатью семью сообщниками высекли публично плетьми, после чего отослали на место жительства. Остальные его сообщники отделались позорным столбом или другими легчайшими наказаниями.

Знаменитый волшебник вскоре был забыт, и никто более не старался объяснять его проделок.

Как же теперь объяснить, что поныне есть еще довольно образованные люди, которые верят в таинственную силу орехового прутика. Лет десять или пятнадцать тому назад в Южной Франции жил один школьный учитель (который, вероятно, и поныне здравствует); он славился искусством открывать родники с помощью орехового прутика. Но не удовлетворившись этой специальностью, он вздумал также открывать клады. По этому поводу возник судебный процесс, во время которого мэр общины, сборщики податей и несколько образованных чиновников и обывателей положительно объявили, что они были очевидцами чудесных открытий, совершаемых с помощью орехового жезла.

Тут не помогли ни объяснения науки, ни розыски следователей, ни приговор суда. Суеверные остались при своем мнении и, кажется, еще сильнее убедились в его истине.

Суеверие едва ли не самый неотвязчивый враг человеческого ума и счастья. Самый несчастный из людей забывает о своих страданиях, когда сон оденет его благодетельным покровом; сонный не помнит о боли и страданиях, удручающих его тело или дух, но суеверие нередко владычествует над сонным и в этом состоянии рисует ему обманчивые образы – источники будущих его страданий.

И не только одни малообразованные люди с невежественными о вещах понятиями испытали над собой власть подобных заблуждений. Нет! Самые светлые умы заплатили дань веку. Скептический Бэль (Bayle) верил привидениям и боялся пятницы; Джонсон сторонился колдунов; великий автор «Математических начал естественной философии», бессмертный Ньютон под конец своей жизни занимался странными толкованиями Апокалипсиса; Волней толковал сны; Гельвеций гадал на картах; Руссо боялся числа 13; Наполеон смущался предсказаниями

госпожи Ленорман; Хобс (Hobbes) верил в хиромантию. Из наших современников мы бы могли назвать отличного ученого, занимающегося отыскиванием философского камня, – известного математика, верящего в кабалу и чародейство, и, наконец, уважаемого астронома, который с сожалением смотрит на рождение детей, будучи внутренне уверен, что через пятьсот лет роду человеческому не будет места на земле и оно вымрет от голода!

После этого должно ли удивляться, что архангельские мужички, промышляющие на Шпицбергене (Груманте), верят в *грумантского пса* и уверяют, что им самим случалось видеть *цынгу* в образе старухи, разъезжающей на карбасе с красивыми сестрами[9], или что тунгусы и якуты верят в существование какой-то Аграфены Жиганской[10] хотя и давно умершей, но поныне насылающей еще страшную болезнь, слывущую под названием *мирака.*

Кстати о грумантском псе и об олицетворенной цинге.

Груманланы, т. е. русские промышленники, пускающиеся на Шпицберген, рассказывают, что на этом острове цинга ходит в явь, видимая всеми, и говорит как человек. Эта неодолимая в тамошнем климате болезнь представляется промышленникам в образе страшной старухи, дочери царя Ирода; у нее есть еще одиннадцать сестер, обольщающих своей привлекательной наружностью и занимающихся распространением болезни на острове. Эти адские красавицы могут принимать на себя образ женщин, почему-либо дорогих для промышленников: они являются спящему охотнику в виде невесты или молодой жены, и несчастливец предается сладостному сну, который влечет его в тамошнем климате с неодолимой силой и способствует быстрому развитию цинги. Старуха с сестрами любит особенно показываться во время непогоды, когда ветер свистит в каменных утесах Шпицбергена; в это время видят старуху с сестрами, сквозь крутящийся в воздухе снег, освещенных бледно-синим блеском северных сияний. Они поют под вой ветра:

«Здесь все наше! Здесь нет ни пенья церковного, ни звона колокольного.
Здесь все наше!»

*

Рассказывают, что даже случалось иногда видеть, как двенадцативесельный карбас летит мимо острова так близко, что можно разглядеть все малейшие черты лиц, сидящих в нем. Страшная старуха стоит на корме с веслом, а сестры ее – красавицы разряженные – с песнями, исполняют должность гребцов. Не троньте их, они проедут мимо, потому что чуют у промышленников табак и кислую морошку (средства противоцинготные).

Чтобы выказать характеры этих сестер старухи цинги еще рельефнее, расскажем анекдот, слышанный г. Харитоновым от многих промышленников, бывавших на Шпицбергене.

Верст за сорок к востоку от становой избушки[11], на берегу небольшого залива, стоял жалкий станок, наскоро сколоченный из барочных досок. В этом станке поселились два охотника, из которых старший, совершенно опухший от цинги, наказывал товарищу, парню лет двадцати, зарыть тело его с молитвой в землю. Прошла ночь. Утром молодой парень вытащил за станок посинелый труп товарища и закопал его в землю. Возвратясь в избу и засветив жирник, он испугался своего одиночества. Чтобы прогнать мрачные думы, он затушил огонь, сел на лавку и, заиграв на бывшей у него скрипке, затяну и песню:

---

[9] См. статью Харитонова: «Русские промышленники на Груманте» в октябрьской книжке «Отеч. Зап.» за 1849 год.

[10] См. путешествие Врангеля по Северо-Восточной Сибири.

[11] Так называется жалкая хижина, в которой находится главная квартира промышленников, зимующих на Шпицбергене; здесь проживает лоцман судна с четырьмя или пятью лучшими охотниками. Остальные охотники рассеиваются артелями от двух до четырех человек по станкам, часто удаленным на многие десятки верст от избушки.

Я с тобою хмель спознался,
Много муки напримался!
Не за разум я схватился,
А на Грумант покрутился!

Не успел наш виртуоз дотянуть последнего стиха, как в станке раздался топот пляски, хлопанье в ладоши и смех, да такой звонкий, ребячий смех, что у парня выпал смычек из рук, и язык прильнул к гортани. Пляска продолжается, а хохот все звенит громче и громче. Залег у мужика на сердце этот веселый хохот: дай, думает, вырублю огонька, да посмотрю, кто такой жив-человек тут потешается. Сказано – сделано. Ударил мужик огнивом по кремню: посыпались искры, запылал трут, умолкли пляска и хохот; по прежнему он один в избе, а ветер воет в снежных вершинах гор и наводит на мужика думу, что вот сейчас войдет к нему в избу только что зарытый покойник. Парень думал опять разогнать страх музыкой, но прежде чем взялся за скрипку, спрятал зажженный жирник в берестяной бурак. Не успел он пропеть:

Грумант остров – он страшон,
Кругом льдами обнесен,
И горами обвышон
И зверями украшон…

как снова послышались пляска, хлопанье в ладоши и смех. Парень, как угорелый, поскорей выхватил жирник из бурака, и перед ним сверкнули ясные очи молодой девки. Она испугалась, но и мужику было не лучше: весь дрожит, и бьется как в лихорадке, и не может отвести глаз от ее румяных щек да русых кудрей. Девка как будто застыдилась и закрыла лицо волосами.

– Не нужись, хорошая, – сказал мужик, – дай насмотреться на тебя, а потом хоть в пору и умереть.

От этих слов девка ободрилась и, отбросив назад косы, отвечала ему:

– Твоя воля! Твоя власть! Если ты однажды увидал меня, то властен заставить меня хоть и век жить с тобой. А со мной тебе здесь жить будет не худо: только не покидай меня да не уезжай отсюда. Если же бросишь меня, то будет беда, а уйти тебе от меня некуда.

Была ли то добрая сестра старухи или полюбился ей парень, только стали они жить да поживать вдвоем как нельзя лучше. Молодица берегла промышленника от цинги и всяких нужд, загоняла песцов в его ловушки, доставляла ром целыми анкерами. Житье мужику, да и только!

И прижил он со страшной подругой сына, но надоела ему эта жизнь, и сердце просится на родную Русь. Вот раз, как молодицы не было дома, пришла к тому месту ладья и стала поспешно грузиться шкурами, салом да гагачьим пухом; затем вздулись паруса и сильный северный ветер погнал ее стрелою на Норд-Кап. Уже судно отплыло от острова верст на десять, как вдруг промышленники услышали визг, да такой пронзительный, что он даже заглушил вой ветра в парусах. Потом они увидели что-то летящее по воздуху за ладьей: предмет упал близ самой кормы, и в нем узнали младенца, прижитого Василием с сестрой старухи.

Теперь скажем несколько слов про *грумантского пса*, которого так боятся и честят груманланы. В их воображении это злой и гордый дух, обладатель Шпицбергена. Чтобы несколько задобрить его, обыкновенно кидают первого убитого на острове оленя на утес, слывущий под названием *Болвана без шапки.*

Грумантский пес живет в каменных ущельях шпицбергенских утесов, не скучая, потому что всегда окружен сестрами старухи-цинги. Случалось промышленникам видеть его на карбасе вместе с красавицами сестрами. Этот дух является почти всегда в человеческом образе и

даже имеет людские слабости. Так как он любитель горячих напитков, то, в случае оскудения винного запаса, перелетает с северным ветром на Норд-Кап и выжидает там судна с ромом и спиртом. Когда суда, нагруженные этим добром, подплывают к Норд-Капу, он надувает их паруса резким южным ветром, ломает снасти, разметываете суда, а плавающие бочки с ромом и спиртом гонит волнами на свой пустынный, каменный остров.

Промышленники нашли где-то необъятной величины вертеп, природой устроенный в каменной горе: живое их воображение тотчас превратило этот грот в баню, где грумантский пес парится накануне всякого праздника. Они уверяют даже, что заставали каменку еще довольно теплой и возле нее находили соразмерной величины опаренные веники. Должно однако ж при этом упомянуть, что на Шпицбергене нет ни сучка не только лиственного, но даже и хвойного леса.

Охотник, желающий снискать дружбу грумантского пса, отправляется ночью во время новолуния один в пещеру, находящуюся близ утеса, называемого *Болваном без шапки.* Он берет с собой нож, которым, пришедши в пещеру, очерчивает около себя круг и втыкает нож вне черты круга; тогда ему слышится громкий собачий лай, впрочем, кроме его никому не слышимый; спустя несколько времени, в самую глухую полночь, вбегает огромный черный пес.

Тогда промышленнику остается только ходить за этим псом, для всех других невидимым и не слышимым, и он едва будет успевать носить в избу застреленных зверей. Пес пригоняет в его ловушку несметное число песцов, наводит на меткое дуло винтовки целые стада диких гусей и указывает места гагачьих гнезд, изобилующих дорогим пухом.

Мы упоминали о *Болване без шапки.* Это утес на южном берегу Шпицбергена, имеющий поразительное сходство с человеком, стоящим без шапки, боком. С этим утесом связана легенда о норвежском принце-чародее, удалившемся на Шпицберген со своей возлюбленной, дабы там на просторе заниматься колдовством. Но грумантский пес украл красавицу и спрятал ее на этом утесе.

В заключение этой статьи скажем несколько слов о сказочных животных.

Кто ни слыхал или ни читал повествований о драконах, крылатых змеях, грифонах, Левиафане, птицах роке и фениксе, единороге, исполинском раке кракене и т. п. Сказки древних и новых народов, особенно арабские, богаты этими диковинками, которые помещались, обыкновенно, в странах земли малоизвестных или вовсе неисследованных. Большая часть этих баснословных сказаний имели основанием своим действительность, и первообразы сказочных животных можно найти между останками допотопных тварей, живших в геологические эпохи. Здесь не место развивать этот вопрос, и мы ограничимся немногими словами, заключающими в себе сущность древних сказаний о птице *Феникс*, возрождающейся из собственного пепла и представляющей мифический смысл возрождения материи и бессмертия создания.

Умнейшие люди древности не сомневались в существовании Феникса. Тацит положительно говорит, что эта редкая птица была видима в Египте в консульство Павла Фабия и Луция Вителлия и что появление ее было предметом толков между учеными египтянами и греками. Он утверждает, что периодическое возвращение Феникса принадлежит к числу несомненных фактов[12].

Солин, говоря о том же предмете, приводит и ссылается на официальные акты. По его словам, Феникс был пойман Египте в 800 г. от построения Рима, привезен в столицу империи и выставлен напоказ народу по повелению Клавдия. Факт этот записан в официальные акты[13].

Солин приписывает Фениксу существование также в 500 лет, а некоторые другие авторы еще более и доходят почти до 13 тысяч лет! Геродот, ранее прочих упоминающий о Фениксе, не показывает большего легковерия относительно этого предмета. Он говорит, что эта священная

[12] Gaeterum aspici aliquando in Aegypto eum volucr em non ambigitur. Tacit. Annal. Lib. VI, cap. 28.

[13] Quod gestum praeter censuram quae acti etiam urbelis sontinetur. Solin, cap. XXXIII.

птица появляется изредка и только в одном Египте. Сам он видал ее только на картине. По словам жителей Элиополя, Феникс появляется у них однажды в каждые пятьсот лет, по смерти своего родителя. Судя по изображениям, он по виду и величине походит на орла, но имеет красные перья. Перелет его совершается из Аравии в Египет и обратно.[14]

Солин весьма подробно описывает Феникса. «Птица эта величиной с орла; голова ее украшена коническим хохлом из красных перьев; горло и шея украшены брызжами и блестят, как золото; остальная часть тела пурпурная, но хвост образован из синих и лазурных перьев».[15]

Помпоний Мела, Сенека, Овидий, Лукан, Стаций и Филострат также говорят о Фениксе, а Клаудиан посвятил ему целую поэму, в которой восхваляет не только красоту священной птицы, но и ее набожность. Он говорит, что Феникс, собираясь умирать, поручает себя богам и солнцу и сожигает себя на костре из ароматов, но что из пепла его возрождается новый Феникс.

Плутарх свидетельствует, что мозг Феникса – самое вкусное из всех кушаний, но едва ли кто-нибудь имел случай его попробовать. Даже в описании пиршеств Нерона Элиогабала и Вителлия мы не встречаем этого блюда. Аристотель, Страбон и Диодор Сицилийский вовсе не упоминают о Фениксе.

Плиний говорит, что Феникс, привезенный в Рим, по словам Тацита, был подложный. Бл. Августин прямо отвергает возможность возрождения Феникса из пепла. Ныне ни один человек, хоть немного знакомый с естественными науками, не верит в басни о Фениксе.

[14] Herod. Lib. II.

[15] Solin. Lib. XXXIII.

II
О натуральной магии вообще и о заблуждениях зрения в особенности

Я нимало не сомневаюсь, что большая часть сверхъестественных явлений, о которых упоминают писатели, может быть объяснена самым естественным образом.
Бэкон

Глаз есть самое обманчивое орудие чувств.
Брюстер

Предмет натуральной магии чрезвычайно обширен, потому что жизнь древних и средневековых обществ была неразрывно связана с таинственными действиями и влияниями языческих жрецов или с суевериями, поддерживаемыми невежеством и личными выгодами немногих людей, знавших некоторые физические законы, недоступные толпе. Все тайны магии заключались в немногих механических, химических, физических и физиологических процессах. Так, например, акустические и оптические опыты, хорошо известные в наше время, несгораемость человеческого тела, недавно объясненная опытами Бутиньи, и влияние некоторых наркотических средств на живую экономию, составляли если не целый арсенал волшебства, то, по крайней мере, главную основу всех чародейств, изумлявших и ужасавших в былое время.

Нет никакого сомнения, что рассказы, дошедшие до нас, о подвигах древних волшебников, искажены и преувеличены, но тем не менее они делали многое, что казалось непонятным и чудесным в то время, когда физические и естественные науки составляли исключительное достояние немногих лиц, принадлежавших к одной привилегированной касте. К тому же должно сказать, что мы не имеем точных сведений о степени развития тех наук в древнее время, потому что ученые открытия скрывались тогда от массы публики и передавались адептом или словесно от учителей, или в сочинениях, имевших такую таинственную форму, что без помощи опытного учителя нельзя было понять ни слова в целой книге. В таком вкусе были написаны, между прочим, герметические книги алхимиков.

Чтобы дать нашим читателям понятие о том, как выражались эти господа, приведем, например, одно место из сочинения известного алхимика Фламеля.

Этот ученый, трудясь в своей лаборатории, сделал неожиданное химическое открытие, которое тотчас записал следующими словами:[16]

«Знайте все путешествующие на Востоке, что, если Марс в блестящем своем вооружении бросится в объятия Венеры, растаявшей в слезах, то он вскоре покраснеет».

Прочитав эти строчки, вы можете ломать над ними голову, сколько вам угодно. Если вы не знакомы с языком алхимиков, то никогда не добьетесь здесь толку. Но если вы из числа

[16] Мы представляем здесь близкий перевод с подлинника, написанного варварской латынью. Книга Фламеля напечатана в Базеле, в 1593 году.

адептов, то мнимая галиматья вышеприведенных строк укажет вам на одно из прекрасных химических открытий.

Угодно ли, мы объясним вам таинственный смысл этих странных строчек?

Надо сперва сказать вам, что Восток постоянно назывался страной солнца, потому что солнце восходит на Востоке. Солнце обозначало металл золото, а потому *путешествующие на Восток – искатели золота*[17].

Далее, на языке алхимиков:

Марс означает железо.

Венера синоним меди.

Слезы выражают раствор в *жидкости.*

Таинственные строки Николая Фламеля, переведенные на обыкновенный язык, будут значить:

«Знайте, алхимики, что если отполировать кусочек железа и окунуть его в раствор меди[18], то железо примет на поверхности красный цвет».

И так, мнимая галиматья содержит в себе самый определенный смысл. Действительно, Фламель открыл, что при погружении кусочка полированного железа в раствор медной соли, медь весьма быстро оседает на поверхность железа в металлическом состоянии, и поэтому поверхность железа, покрываясь пленкой чистой металлической меди, принимает красный цвет, свойственный последнему металлу.

И вообще почти все исследователи законов природы в древние и Средние века любили выражаться таинственными и условленными речениями, недоступными для профанов. До нас дошло весьма немногое из того, что было писано древними о физических законах и явлениях природы; да и то, что дошло до нас, не совершенно для нас понятно. Знаменитый английский ученый, сэр Давид Брюстер, справедливо замечает по этому случаю, что так как нет никакого сомнения, что все чародеяния основаны на физических законах, то изучение подробных описаний волшебств, совершенных в известную эпоху, может служить нам хорошим руководством к определенной степени развития в ту эпоху физических знаний.

Акустика, о которой мы сейчас упоминали, оказала мнимому волшебству немало услуг. Знанием ее законов производился в языческих храмах громоподобный грохот, заставлявший легковерных убеждаться в присутствии невидимой духовной силы. Так, например, золотые истуканы дев в дельфийском храме издавали гармонические тоны. Пактольский камень резкими звуками, из него излетавшими, устрашал нечестивых воров, задумавших похитить скрытое под ним сокровище. Металлическая голова произносила оракулы в Лесбосе, а Мемнонова статуя приветствовала восходящее солнце. В былое время все это считалось чудесным и сверхъестественным, но теперь в любом из столичных театров подражают грому лучше, чем в древних языческих храмах, а говорящие головы можно видеть у всякого заезжего фокусника. Да что говорить о каких-нибудь Деблерах, Пинетти, Боско или Филиппе, которого парижане прозвали *колдуном бульвара «Bonne Nouvelle»,* где он ежедневно показывал свои мнимые чудеса!

Гидростатика не менее акустики была полезна древним магикам. Без помощи «науки о равновесии жидких тел» невозможно было бы устроить знаменитый Фонтан на острове Андросе, описанный Плинием: из этого фонтана била вода попеременно с вином. Тоже самое должно сказать и о публичном фонтане в Риме, который во время триумфального шествия Августа, после возвращения из сицилийского похода, внезапно стал изливать не воду, а масло, и это чудесное превращение продолжалось целый день. В Эвлиде три каменные урны, посвященные Бахусу, внезапно и сами собою наполнялись вином в день празднества этого бога.

---

[17] Правильнее: *искатели искусств*а *делать золото* или *алхимики*.

[18] То есть *медного купороса* или другой *медной соли*.

Плачущие статуи, неистощимые лампады и сосуды и, наконец, стеклянная гробница Бела, наполненная маслом, которая, будучи опорожнена Ксерксом, не могла быть вновь наполнена, хотя в нее было влито несколько сот бочек масла, – все эти диковинки древнего мира весьма хорошо объясняются основными законами равновесия и давления жидкостей в сосудах, имеющих между собой сообщение. В любом физическом кабинете найдется несколько приборов, которые ясно укажут механизм, результаты которого казались некогда такими сверхъестественными.

Много было споров о том, какие познания древние мудрецы и жрецы имели в механике. Конечно, до нас не дошло никаких письменных свидетельств о степени развития, до которого была доведена ими эта наука, но воздвижение пирамид и дивных храмов Древнего Египта доказывает, что строители этих гигантских зданий располагали значительными механическими пособиями, без которых они не в состоянии были бы даже предпринять такой колоссальной постройки. Правда, механические орудия и машины были в то время тщательно скрываемы от глаз толпы, которую старались поддерживать в веровании во всемогущество силы их правителей и жрецов, но тем не менее результаты поныне свидетельствуют о действительном существовании причин их произведших, хотя мы не можем в точности определить формы проявления этих причин, т. е. устройства тех машин и других снарядов.

Нередко находим мы у классических авторов свидетельства, что люди были похищаемы богами во время мистерий. Нет сомнения, что эти похищения совершались с помощью опускных дверей и других машин, подобно как в наше время на театральной сцене волшебных опер и балетов. Похищенные таким образом лица низвергались в пропасти или немедленно умерщвлялись другим способом, так что некому было разоблачить плутовство и злодеяние. Также механическим устройством производились искусственные землетрясения, и мы находим весьма подробное описание такого явления у Аполлония, которого индийские жрецы ввели в святилище их божества, причем земля колебалась под ногами грека, как волнующееся море.

Сюда относятся и движущиеся самопроизвольно жертвенники, виденные Аполлонием в том же индийском храме. Быстрое, таинственное нисхождение поклонников внутрь Трофониева грота, движущиеся статуи в Антиуме и в Иерополисском храме, деревянный голубь Архита и многие другие примеры этого рода служат свидетельствами пособий, оказанных древней магии механикой.

Но из всех физических наук *оптика* богаче прочих поразительными для толпы и мнимо чудесными явлениями. В самом деле, что может быть удивительнее возможности с помощью нескольких маленьких кусочков стекла приближать самые отдаленные предметы на произвольное расстояние или представлять в гигантских размерах материальные формы, невидимые обыкновенным образом? Правда, древние не знали способов сочетания стекол и зеркал, с помощью которых образуются телескопы и микроскопы, но они очень хорошо умели отбрасывать с помощью вогнутых и выпуклых стекол и зеркал изображения предметов в желаемом месте и в прямом или в обращенном виде. Весьма вероятно, что древние жрецы часто прибегали к оптике для произведения сверхъестественных видений, прославивших их храмы. Появление богов в блестящей одежде и с лучезарными венцами среди мрака святилища прямо указывает нам на подражание нашей нынешней фантасмагории, но только теперь эти дивные явления никому не кажутся чудесными и перешли в руки фокусников, забавляющих ими толпу, и даже на потеху детям, собственными руками приводящим в действие все диковинки волшебного фонаря.

Есть люди, которые смеются над натуральной магией, считая ее исключительным достоянием фигляров и фокусников. Мы не сердимся на таких судей, а жалеем о их неведении. Вели-

чайшие ученые считали натуральную магию предметом, достойным полного внимания и тщательного изучения физиками и натуралистами. Один из первых умов нашего века на поприще физических наук, сэр Давид Брюстер, ученый, пользующийся не только европейской, но всемирной известностью, написал, как мы уже упоминали, целый трактат о натуральной магии и гордится этим сочинением наравне с другими сочинениями, навсегда прославившими его имя. Но какая до того нужда фельетонным крикунам? Книга Брюстера для них недоступна по ограниченности их собственных познаний в физике, зато штуки Пинетти и Боско совершенно в их вкусе.

Мы попытаемся познакомить наших читателей с некоторыми из любопытнейших естественных и искусственных явлений, кажущихся чудесными, но проистекающих из незыблемых, вечных и притом весьма простых законов природы, которые постараемся также объяснить.

Из всех органов, с помощью которых мы постигаем природу и приобретаем познания о внешних явлениях, самый замечательный и самый важный есть *глаз.* Знания, доставляемые нам всеми остальными органами чувств, гораздо ограниченнее тех, которые доставляются с помощью глаза. Чувство вкуса ограничено прикосновением известных тел к поверхности языка и нёбу во рту. Чувство осязания ограничивается поверхностью нашего тела. Обоняние имеет более обширную, но все-таки весьма ограниченную сферу действия. Даже слух ограничивается пределами нескольких верст, внутри которых слышны отдаленные раскаты сильного грома, выстрелы из больших артиллерийских орудий, грохот взрыва пороховых масс или воздушного метеора.

Зато круг действия органа зрения едва не беспределен. С помощью глаза мы постигает не только весьма отдаленные предметы и явления на земле, но и на других небесных телах, из которых большая часть удалены от нас на расстояние, перед которым бледнеют самые пылкие порывы воображения. Несметное множество светил, украшающих небесный свод в ясные ночи, состоит преимущественно из солнц, называемых звездами; только эти солнца удалены от нас на страшно великие расстояния. Ярчайшая звезда северного неба и при том одна из самых близких к земле, блистательная *Альфа Лиры*, отделена от земли промежутком пространства в 150 000 000 000 000 верст!

Чтобы понять это ужасное расстояние, всю огромность этого числа, должно вспомнить, что от Петербурга до Тифлиса, несмотря на все изгибы и повороты дороги, можно уложить в ряд только 10 000 000 000 песчинок, из которых каждая будет не более 1/10 линии в поперечнике. Даже на расстоянии 13-и тысяч верст, отделяющих Петербург от Петропавловского порта на восточном берегу Камчатки, нельзя уложить в ряд более 50 000 000 000 таких мелких песчинок. А это последнее число, несмотря на всю свою огромность, в 3000 раз меньше числа верст, отделяющих нас от близкой к нам звезды *Альфы Лиры.*

Большая часть звезд, видимых простым глазом, удалена от нас в десятки и сотни раз более. Если же прибегнуть к телескопам, то с помощью их зрение наше откроет светила, от которых луч света, движущийся с быстротою 300 000 верст в каждую секунду, достигает до земли только по прошествии тысячелетий! Однако ж на этом дивно огромном удалении, глаз человеческий еще ясно различает цвета, формы и движения предметов.

Основываясь на вышесказанном, не вправе ли мы сказать, что круг действий глаза почти неограничен?

Самый обыкновенный наблюдатель невольно дивится красоте формы, могуществу движений и разнообразию выражений человеческого глаза, но философ и натуралист, ближе исследовавшие этот орган, еще более дивятся неподражаемому механизму его устройства. Здесь не место описывать строение глаза и физиологический процесс видения. Довольно ска-

зать, что остроумнейшие наблюдатели не могли придумать ничего совершеннее и превосходнее удивительного органа зрения.

По прекрасному выражению одного современного физика, глаз есть страж, стоящий в пределах двух миров – естественного и сверхъестественного Если что-нибудь чудесное передается нам чувством слуха, то ум наш поражается этим не так сильно, и часто размышление имеет довольно силы, чтобы открыть естественную причину, объясняющую чудесное, переданное слухом, и тогда очарование исчезает, и чудесное переходит в ряд обыкновенных явлений. Напротив того, если глаз видит необъяснимые с первого взгляда явления, совершающиеся в определенных формах очертаний, с принадлежностью положительных красок предметов, – если вдруг посреди воздушного пространства являются нам образы отсутствующих лиц, если обыкновенные предметы то появляются, то исчезают без всякой видимой причины, – если наконец глаз постигает действительные или фантастические предметы, присутствие которых ум не в состоянии объяснить, тогда невольно и неотразимым образом поселяется в нас убеждение о присутствии или влиянии какого-либо сверхъестественного деятеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.